

На пути к синхронизации истории Западной и Восточной Европы, или Особенности «калужского стиля»

В Испании второй половины XVI—первой половины XVII в. часто говорили о Безансоне. Так называли вексельную ярмарку, очень важную для финансирования испанской короны. Несколько раз она собиралась в городе Безансон, расположенном в провинции Франш-Конте, находившейся тогда под властью испанского короля. Но затем ярмарка проходила уже в других местах, например, в Пьяченце и в Нови, но её по-прежнему именовали не иначе как «Безансоном».

Конференции, посвященные проблемам синхронизации истории стран Восточной и Западной Европы, вот уже свыше пяти лет собираются по инициативе Института всеобщей истории РАН на разных площадках и в разных форматах. Но стиль этих ассамблей и «твердое ядро» постоянных участников сложились именно в Калуге. И если наши встречи продолжатся, на что очень хотелось бы надеяться, то вне зависимости от места их проведения, они, скорее всего, по-прежнему будут именоваться «калужскими конференциями».

Материалы уже проведенных научных форумов нашли свое отражение в следующих изданиях:

- Представительные институты в России в контексте Европейской истории XV—сер. XVII вв. / под ред. В. Д. Назарова. М.: Древлехранилище, 2017;
- Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства; локальные и глобальные контексты / под ред. И. Н. Берговской и В. Д. Назарова. Калуга: Издатель Захаров С. И. («СерНа»), 2017;
- Три даты трагического пятидесятилетия Европы 1598–1618–1648: Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны / под ред. В. Д. Назарова и П. Ю. Уварова. М.: ИВИ РАН, 2018;
- Вызов времени: Становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV—XVII в. / под ред. И. Н. Берговской, В. Д. Назарова и П. Ю. Уварова. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2019.

Последняя книга представляет собой предварительные материалы международной научной конференции «Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и на Западе Европы в конце XV—XVII в.», проведенной 8–11 октября 2019 г. в Калужском

государственном университете им. К. Э. Циолковского. Организаторами конференции также выступали Институт всеобщей истории РАН, Правительство Калужской области, Российское историческое общество и фонд «История Отечества». В организационный комитет конференции вошли сотрудники Института российской истории РАН, Института славяноведения РАН, Калужского объединенного музея-заповедника, Калужского регионального отделения «Ассоциации учителей истории и обществознания России» и университета Варшавы.

По результатам этого форума участникам было предложено переработать свои материалы в развернутые статьи или же дать новый текст. В новую книгу, предлагаемую вниманию читателей, озаглавленную «На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV—XVII в.» вошли и статьи тех авторов, которые не успели прислать материалы в предыдущее издание. Таким образом, на сей раз калужская конференция породила сразу две книги, существенно отличающиеся друг от друга.

Что же характеризует все эти «конференции калужского стиля»?

Прежде всего — расширение исторического контекста рассматриваемых проблем и событий. Все форумы являются местом встречи специалистов по русской (древнерусской) истории с отечественными и зарубежными историками, изучающими западное Средневековье и раннее Новое время. Причем доля коллег из зарубежных стран возрастает от одной конференции к другой. Секции конференций всегда организуются по тематическому, а не по региональному принципу. Принципиально важно, чтобы участники не только имели возможность сопоставления своего материала с данными, полученными в других регионах, но и могли посмотреть, как работают коллеги, занимающиеся другими странами того же периода, оценить их источниковую базу и вопросы, задаваемые источникам, их историографическую ситуацию.

Систематическое сопоставление восточно- и западноевропейского материалов легитимно еще и потому, что подобными же сопоставлениями занимались люди, жившие в изучаемый период. Посольский приказ старательно узнавал о династических связях западных правителей разного уровня и до мелочей стремился вникнуть в особенности их дипломатического и придворного церемониалов. Иноземный приказ старался понять градации знатности и ее критерии на Западе. В разных концах Европы прикидывали возможные варианты военных, торговых и дипломатических союзов с Московией. Составители космографий, опираясь на рассказы путешественников, описывали особенности веры московитов и «Руси» и царившие здесь нравы. В Москве или Киеве находились внимательные и придирчивые читатели и критики

этих текстов. Степень взаимной информированности людей на Западе и на Востоке Европы возрастала, хотя рост этот носил не столько равномерный, сколько скачкообразный характер.

Еще одной чертой «конференций калужского стиля» является специфическое сочетание эмпирического и теоретического подходов. Даже беглого знакомства и с программой любого из таких научных мероприятий, и с оглавлением их опубликованных материалов достаточно, чтобы констатировать преобладание сугубо конкретных сюжетов. Но это отнюдь не мелкотемье. Зачастую темы, кажущиеся «мелкими», могут сказать об эпохе так много, что уместно вспомнить Александра Блока:

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

Камень над могилой императора Фридриха III хотя и весил несколько тонн, но в масштабах эволюции державы Габсбургов он сопоставим с пылинкой. Что ж тогда можно сказать о семи кафтанах и пяти охабнях князя Хованского, взятых им в поход на мятежный Псков? Однако эти предметы позволяют уловить и важные тенденции в эволюции власти, и важные черты характера политических деятелей.

Но те доклады и статьи, в которых содержатся широкомасштабные и подчас неожиданные обобщения, принадлежат не записным методологам-теоретикам, а историкам, привыкшим опираться в первую очередь на результаты собственных исследований. А это всегда чувствуется аудиторией. Во всяком случае той, которая обычно собирается на «калужских конференциях».

Отсюда еще одна характерная черта таких ассамблей — специфическое отношение участников к «метанарративам», будь то прогресс, линейная эволюция политических и социальных систем, абсолютизм, конфессионализация, военная революция, модернизация, рационализация и, наконец, само «складывание централизованных государств». Их не отрицают, но им не верят на слово. Иначе говоря, не считают, что они сами по себе достаточны для объяснения причин описываемых событий и явлений. На калужских конференциях причины ищут в интенциях действующих лиц истории или в особенностях конфигурации сугубо конкретных внутренних и внешних факторов. А вот уже полученные результаты при желании можно вписать в тот или иной «рассказ большой длительности». И надо быть готовым к тому, что выводы окажутся далеко не ординарными. Например, все привыкли к тому, что в центре внимания оказываются процессы становления государств, обретения ими суверенитета, расширения суверенных прав

На пути
к синхронизации
истории
Западной
и Восточной
Европы, или
Особенности
«калужского
стиля»

Но ведь не менее интересно рассмотреть то, каким образом суверенитет исчезает. И понять, что часто потеря суверенитета, его «растворение» или «делеги́рование» может оказаться не окончательным. Это движение может повернуть вспять, насколько успешно — другой вопрос.

Среди участников калужских конференций нет согласия в том, обладали ли общества Запада и Востока Европы неким сущностным единством (как сказали бы раньше — единством «формационного характера») или же это были системы, опиравшиеся на принципиально разные государственно-политические традиции и цивилизационные особенности.

Сегодня не так много историков постулируют некую модель развития в качестве классической, образцовой. Но при всем различии исторических судеб даже отдаленные друг от друга европейские регионы зачастую сталкивались со схожими вызовами времени и решали схожие задачи. Вот в этом и открываются любопытные возможности для сопоставления. Как решалась проблема границ и пограничья? Каким образом правитель выстраивал свои отношения с церковными иерархами? Какие символические ресурсы мобилизовал для усиления своей власти в условиях, когда ресурсов материальных явно было недостаточно? Ответы на эти вопросы, порожденные вызовами времени, в разных регионах Европы порой оказывались совсем различными, а порой неожиданно схожими. То и другое оказывается весьма поучительно.

Путь к становлению централизованных государств оказывался далеко не таким прямолинейным, как представлялось ранее. Он проходил через множество развилок, образуемых историческими альтернативами, из которых многие казались весьма перспективными, а некоторые и сегодня демонстрируют удивительное свойство возрождаться уже в новых условиях. В некогда существовавших, но давно утраченных суверенитетах при помощи «политики истории» в современных условиях ищут базу для новой политической идентичности. Эти процессы мы можем наблюдать сегодня в Шотландии и Каталонии, не говоря уже о Восточной Европе. Империи, казалось, безвозвратно канувшие в Лету и закле́ймённые как исторически тупиковые, то вновь вызывают ностальгию у жителей государств, возникших на их развалинах, то проявляют весьма зримую тенденцию к возвращению на историческую арену. События и даты, долгое время бесспорно считавшиеся основополагающими, вдруг подвергаются переоценке и вызывают ожесточенные дебаты.

В этих условиях у «калужского стиля», предполагающего рассмотрение явлений синхронно с другими регионами и с неизменной опорой на эмпирический материал, вырисовываются неплохие перспективы.

A Way to Synchronise the History of Western and Eastern Europe, or Some Features of the “Kaluga Style”

In the late 16th and early 17th century Besançon was a frequent subject in Spain. That was the name of the promissory fair, a crucial instrument in financing the Spanish Crown. It met several times in the city of Besançon, located in the province of Franche-Comté, which then belonged to the King of Spain. But later on, the fair transferred to other places, such as Piacenza and Novi, even though it was still known as “Besançon”.

For over five years, conferences dealing with the problems of synchronising the history of Eastern and Western Europe have been held at various venues and in different formats on the initiative of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences (RAS). But it was in the city of Kaluga that the style of these assemblies and the core of their regular participants took shape. If our meetings are to continue, which we certainly hope for, they are likely to retain their name of “Kaluga Conferences”, regardless of their actual venues.

The proceedings of the scholarly meetings already held were published in the following editions:

- Representative Institutions in Russia in the Context of European History: 15th – Mid 17th Centuries / Ed. by V.D. Nazarov. Moscow: Drevlekhranilische, 2017;
- The Great Standing on the Ugra River and the Formation of Russian centralized State; Local and Global Contexts / Ed. by I.N. Bergovskaya, V.D. Nazarov. Kaluga: Ed. by Zakharov S.I. (“SerNa”), 2017;
- Three Dates of the Tragic 50 Years in Europe (1598–1618–1648): Russia and the West during the Time of Troubles, Religious Conflicts and the Thirty Years’ War / Ed. by V.D. Nazarov, P. Yu. Uvarov. Moscow: IVI RAN, 2018;
- The Challenge of Time: the Rise of the Centralised States in East and West Europe in Late 15th – 17th Centuries / Ed. by I.N. Bergovskaya, V.D. Nazarov, P.Yu. Uvarov. Kaluga: Kaluga State Institute of the Development of Education, 2019.

The latest book comprises preliminary contributions to the international conference “The Challenge of Time: the Rise of the Centralised States in East and West Europe in Late 15th – 17th Centuries”. It took place on

8–11 November 2019 at the Tsiolkovsky Kaluga State University. The conference was organised jointly with the Institute of World History, RAS, the Government of Kaluga Region, the Russian History Society, and the History of Fatherland Foundation. The organising committee included representatives of the Institute of Russian History, RAS, the Institute of Slavic Studies, RAS, the Kaluga United Museum-Reserve, the Kaluga regional section of the Russian Teachers of History and Social Sciences Association, and the University of Warsaw.

As a result of this forum, participants were invited to expand their contributions into more detailed articles, or provide new texts. This new book, now offered to our readers and entitled “On the Way to the States of Modern Period: West and East of Europe in Late 15th – 17th Century”, also includes articles by authors who had too little time to contribute to the previous edition. Consequently, this time the Kaluga Conference has produced two books at once, which largely differ from each other.

So, what are the stylistic features of all these Kaluga Conferences?

First of all, it is a wider historical context in looking at problems and events. All these forums are meeting places for experts on medieval Russian history with home-based and foreign historians who deal with Western Middle Ages and the Early Modern period. Besides, the number of our colleagues from abroad is growing with every new conference. The panels are always arranged according to a thematic rather than regional principle. Crucially, the participants should be given a chance not only to collate their own subject matter with data from other regions, but also to appreciate the work of their colleagues who specialise on other countries of the same period, to get acquainted with their source base, the questions posed to the sources, and the historiographic situation as a whole.

Drawing systematic parallels between East and West European material is also legitimate because such parallels were drawn by people who lived during the period in question. The Embassy Office in Moscow closely followed the dynastic ties between Western rulers at various levels, and tried to comprehend all the details of their diplomatic and courtly ceremonies. The Foreigners’ Office strove to appreciate the grades of nobility and its criteria in the West. In different corners of Europe the authorities were considering the possible means for military, commercial and diplomatic alliances with Muscovy. Compilers of cosmographies, making use of travellers’ accounts, described the peculiarities of Russian Orthodox faith, and the morals of the Muscovites. Attentive and fastidious readers and critics of these texts turned up in Moscow or Kiev. The level of mutual awareness of pe

in Western and Eastern Europe was on the rise, although the growth was spasmodic rather than gradual.

Another stylistic trait of the “Kaluga Conferences” is a specific blend of empirical and theoretic approaches. Even a fleeting glance at the programme of any of these scholarly events, or at the contents of their published proceedings, is enough to realise that most subjects are highly specific. However, they are not petty. The seemingly “small” subjects can often tell us so much about a given age, that one may recall the lines of Aleksandr Blok:

By chance, on a pocket knife's blade,
Find a speck of dust from distant lands –
And the world will appear strange again,
All wrapped in coloured haze!

Although the tombstone of Emperor Frederick III weighed several tons, it amounts to a speck of dust when seen within the evolution of the Habsburg realm. What shall we say, then, of the seven coats and five *okhabni*, which Prince Khovansky took along on his campaign against rebellious Pskov? But even these objects allow us to trace both important trends in the evolution of power and important traits in the character of political figures.

However, even those talks and articles which contain wide-range and at times unexpected generalisations belong not to avid methodologists or theorists, but to historians who normally rely on the results of their own research. And this is always felt by the audience, at least that which usually attends the “Kaluga Conferences”.

Hence one more distinctive feature of such assemblies, a particular attitude by participants toward “metanarratives”, be it progress, lineal evolution of political and social systems, absolutism, confessionalisation, military revolution, modernisation, rationalisation and, finally, the very “making of centralised states”. These things are not being denied, but are not taken for granted either. In other words, they are not thought to be sufficient to explain the causes of events and phenomena. During the Kaluga Conferences, the causes are sought in the intentions of historical characters, or the peculiarities of specific internal and external factors. But, if one so wishes, the achieved results can be written into some “grand narrative”, even though we should be ready to face extraordinary conclusions. For instance, everyone is used to the focus on the process of state evolution, whereby states acquire sovereignty and wider sovereign rights. But it is no less exciting to trace the disappearance of sovereignty, and to perceive that the loss thereof, its “dissolution” or “delegation” may

На пути
к синхронизации
истории
Западной
и Восточной
Европы, или
Особенности
«калужского
стиля»

prove inconclusive. This development can be reversed, how successfully, is another question.

Participants of the Kaluga Conferences differ in their opinions whether the societies of Western and Eastern Europe were endowed with a certain essential unity (of a “formational character”, as some would have called it formerly), or whether these systems were based on substantially distinctive political traditions of statehood and traits of civilisation.

At present few historians propose a certain model of development as a classic or typical one. But for all the variety of their historical destinies, European regions, even if far distant from each other, often faced similar challenges, and had to solve similar tasks. That is where interesting opportunities for comparison arise. What was the solution of the border and frontier problem? How did a ruler shape his relationship with ecclesiastical hierarchy? What symbolic resources were mobilised to enhance power, when material resources were evidently lacking? The answers to these questions, brought about by the challenges of time in various parts of Europe, proved to be now utterly different, now unexpectedly alike. Both cases can be highly instructive.

The development of centralised states was not necessarily as straightforward as it formerly seemed. It went through many crossroads formed by historical alternatives, many of which proved very fruitful, and even today some of them demonstrate a surprising ability for revival under new conditions. At present, the basis for new political identities is being sought, by means of “the politics of history”, in the sovereignties that formerly existed, but were long lost. These developments are currently evident in Scotland and Catalonia, let alone Eastern Europe. The empires seemingly gone forever and branded as historical dead ends, now evoke a new nostalgia among the citizens of states which arose from imperial ruins, and manifest a quite obvious trend to reappear on historical stage. Events and dates long believed to be undoubtedly fundamental are being suddenly revised, and give rise to heated debates.

Under such conditions, “the Kaluga style”, which attempts a synchronised survey of historical phenomena in different regions, invariably based on empirical evidence, offers us some promising prospects.

*I. N. Bergovskaya, V. D. Nazarov, P. Yu. Uvarov
(Trans. by Dmitry Fedosov)*